

В.Н. Барышников

ГЕРМАН ГЕРИНГ И ПРОБЛЕМА ОКОНЧАНИЯ «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ» 1939–1940 гг.¹

На особую роль, которую играл в отношениях Третьего рейха со Скандинавскими странами и Финляндией Герман Геринг, уже обращали внимание отечественные исследователи². Объективно говоря, в нацистских кругах этот крупный политический и государственный деятель Германии во второй половине 1930-х гг. стал своеобразным «куратором» немецко-североевропейских вопросов. Как по этому поводу заметил исследователь профессор М. Менгер, Герингу явно льстило выступать в роли «знатока» североевропейских стран и проводника, в частности, политики сотрудничества Германии с Финляндией³.

Однако очевидно, что Г. Геринг во многом лишь осуществлял общую координацию отношений Берлина со странами Северной Европы. Он не занимался решением каких-либо конкретных проблем экономического, военного, политического или культурно-идеологического характера. Эти вопросы в рейхе решали другие лица, а также соответствующие партийные или государственные ведомства и организации. В сферу полномочий Г. Геринга входило лишь общение с высокопоставленными представителями стран Северной Европы и высказывание им соответствующего мнения, которое тогда могло господствовать в представлениях германского руководства. Как утверждает известный финский историк Х. Юликангас, в немецких верхах «Геринг был избран в качестве человека, который передавал информацию»⁴.

При этом Финляндия находилась у рейхсмаршала на особом счету. Это он сразу продемонстрировал после прихода нацистов к власти. 25 марта 1933 г. Герман Геринг собрал иностранных журналистов и принялся активно критиковать «определенные финские круги, которые в отношении Германии распространили “панические настроения”», связанные с назначением А. Гитлера на пост рейхсканцлера⁵. «Если бы коммунизм в Германии победил... — подчеркнул он, — то через 12 месяцев был бы уже совершен переход к коммунизму в Скандинавии». Одновременно Геринг пояснил: «Мы всегда рассматриваем Финляндию в качестве форпоста Скандинавии в противостоянии Советскому Союзу»⁶.

Естественно, в данном случае Геринга интересовало общение прежде всего с высокопоставленными финскими представителями, которым он мог

бы четко доносить мнение германского руководства. В этом плане, в частности, бросаются в глаза его начавшиеся тогда тесные контакты с председателем Совета обороны Финляндии К.Г. Маннергеймом⁷. Характерно, что возникшие в 1930-е гг. связи Геринга с финским маршалом характеризовались со стороны нацистского лидера тенденцией оказать через Маннергейма влияние на финское руководство в уточнении их политической линии, прежде всего в отношении Хельсинки к СССР.

Ярким примером в данном случае стали события, произошедшие в 1937 г. Тогда в финской столице явно начал просматриваться определенный курс к некоторому улучшению отношений с Советским Союзом. Это было связано с именем финского министра иностранных дел Р. Холсти, который совершил официальный визит в Москву и вел там переговоры с советским руководством⁸. Данные события вызвали весьма пристальное внимание в рейхе. Причем Г. Геринг оказался именно тем высокопоставленным нацистским лидером, который сам пытался непосредственно оказать массивное давление на финское руководство и тем самым не допустить какого-либо финляндско-советского сближения⁹.

Весьма живописной иллюстрацией в этом случае стал обстоятельный доклад, направленный в МИД посланником в Берлине А. Вуоримаа. В нем финский дипломат передал отчет о встрече Геринга и Маннергейма, которая произошла осенью 1937 г. Вуоримаа лично присутствовал на переговорах и поэтому смог подробно зафиксировать их ход. Из полученного сообщения было ясно, что Геринг совершенно определенно выразил негативное отношение к проводимой Холсти восточной политике Финляндии, заявив, что его визит в Москву «вызвал в Германии обеспокоенность тем, что за этой поездкой, вероятно, скрывается стремление изменить внешнеполитический курс Финляндии и осуществить поворот в сторону враждебности к Германии». Кроме того, Геринг добавил, что «в немецких кругах царит определенное опасение», как бы Финляндия вместе со Скандинавскими странами не «образовала союз с Россией... против Германии»¹⁰. От себя лично Вуоримаа в заключение добавил, что Финляндия может рассчитывать на благосклонность со стороны Германии, но, естественно, если сделает соответствующие выводы.

И выводы действительно были сделаны. Они выразились в замораживании развития отношений с СССР, а также отставке Р. Холсти. Таким образом, в Хельсинки с большим вниманием прислушивались к советам Геринга, учитывая его очевидную компетентность, а также влияние и роль в нацистских верхах. Кроме того, несомненно, мнение Геринга полностью

совпадало с общей линией, которую проводил рейх в отношении Финляндии¹¹, что тоже не могло не учитываться в финском руководстве.

Тем временем, по мере обострения международной ситуации в Европе, от Геринга продолжали поступать в Хельсинки соответствующие советы. Особо важным в данном случае стало отношение Г. Геринга к территориальным претензиям СССР, которые возникли осенью 1939 г. у советских лидеров к Финляндии в момент переговоров в Москве. Тогда, в момент начала этих переговоров, рейхсмаршал прямо рекомендовал Финляндии быть твердой и отстаивать свои позиции, прежде всего в том, чтобы не допустить создания на финском западном побережье советской военно-морской базы. При этом он, очевидно, понимал, что отношения Финляндии с СССР могут стать крайне напряженными. Поэтому Геринг также подчеркивал, что он может вернуться к обсуждению этого вопроса, «если положение Финляндии усложнится»¹².

Тем не менее на переговорах именно вопрос о создании на полуострове Ханко советской военно-морской базы стал одним из наиболее сложных для его разрешения. Показательным, однако, являлось то, что финский министр иностранных дел Э. Эркко, как отмечали сотрудники его аппарата, «был склонен верить, что Финляндия может в какой-то мере ожидать поддержки от дружественной Германии против Советского Союза»¹³.

Однако очевидно, что подобные надежды были обречены на провал, поскольку Германия, связанная секретным приложением к пакту Молотова–Риббентропа, не могла открыто оказать Финляндии какую-либо помощь. Сами же советско-финляндские переговоры начали заходить в тупик, что создавало возможную перспективу перерастания их в военную конфронтацию. Это можно было заметить из резких политических заявлений, которые стали делать представители руководства СССР и Финляндии уже в конце ноября 1939 г.

В этой ситуации Г. Геринг, который понимал всю пагубность для Финляндии начала войны с Советским Союзом, начал менять свою тактику. В новых условиях он отказался от своего прежнего совета финнам быть максимально твердыми в этих переговорах и теперь рекомендовал Хельсинки, наоборот, проявлять осмотрительность и даже «согласиться с требованием русских, поскольку иначе Россия начнет войну»¹⁴. Весьма показательным также явилось и то, что в новой обстановке Геринг предлагал даже согласиться с возможностью создания советской военной базы на полуострове Ханко, поскольку, как сообщалось финским дипломатом, «Германия не сможет сейчас оказать ей помощь». Но в данном случае принципиально важным было то, что он тогда подчеркнул: «Позднее дела можно будет поправить»¹⁵.

Более того, в Хельсинки от ряда немецких дипломатических и военных представителей тогда также начали поступать предупреждения и советы согласиться с требованиями СССР. Финскому руководству прямо говорили, что нужно достигнуть «мудрого согласия, поскольку излишнее упрямство приведет к войне, которая может последовать быстро, оставив от Финляндии лишь трогательную легенду о ее героизме»¹⁶. Однако теперь в финском МИДе именно к этим советам начали относиться с большой степенью подозрительности, поскольку уже стали полагать, что немцы пытаются влиять на Финляндию и тем самым лишь «проводят дела Москвы»¹⁷.

Дальнейшие события подтвердили правильность рекомендаций, которые осенью 1939 г. давал финскому руководству Г. Геринг. 30 ноября Советско-финляндская война все же началась. Это был серьезный удар по всем концептуальным построениям финской внешней политики. Но при этом в Хельсинки продолжали считать, что «советский контроль над Финляндией не был в интересах» Берлина¹⁸. Так полагал крупный государственный деятель страны Ю.К. Паасикиви. Он не без основания отмечал: «Согласно нашей оценке, финская война не была для Германии желательной, а захват Финляндии Советским Союзом противоречил интересам Германии»¹⁹. Поэтому в Хельсинки и в дальнейшем стремились прислушиваться к тем словам, которые произносились в Берлине.

Очевидно именно с этой целью в декабре 1939 г. в столицу рейха отправился бывший премьер-министр Финляндии Т. Кивимяки. Итоги его визита стали тогда достаточно показательными. Он смог наладить контакты с очень близкими к Г. Герингу лицами²⁰, от которых получил сведения, что рейхсмаршал выступает за то, чтобы оказать военную помощь Финляндии, организовав скрытые поставки ей немецкого вооружения²¹. Таким образом, Г. Геринг вновь оказался именно тем человеком в Берлине, кто активно поддерживал борьбу Финляндии с СССР. Более того, фактически он тогда превратился в единственного представителя нацистского руководства, который не скрывал, что оружия в начавшейся войне «нужно поставлять в Финляндию столько, сколько возможно»²².

В целом, идея осуществления военных поставок в Финляндию действительно стала активно разрабатываться в рейхе. По договоренности, достигнутой Герингом с представителями Швеции, решили, что Германия будет продавать Швеции свое оружие, а шведы, в свою очередь, такое же количество вооружения станут продавать Финляндии из своих запасов²³. При этом, как свидетельствует Т. Кивимяки, в момент немецко-шведских переговоров Геринг «даже бил кулаком по столу, чтобы Швеция оказала помощь

Финляндии и разрешила переправлять оружие из Германии через Швецию в получаемом количестве»²⁴.

Естественно, этот нюанс в политике Германии, связанный с деятельностью Г. Геринга, не мог не обнадеживать финляндское руководство и еще больше усиливать к нему доверие. По наблюдениям финских историков, на протяжении всей «зимней войны» в кругах политического руководства Финляндии продолжали «царить надежды на разрыв между Советским Союзом и Германией» и на то, что рейх «в конце концов не оставит финнов»²⁵.

В результате финляндско-германские отношения декабря 1939 г. — января 1940 г. показали, что у Хельсинки в своем противостоянии СССР существует определенная возможность рассчитывать на скрытую поддержку Германии²⁶. Берлин через Г. Геринга явно демонстрировал свою заинтересованность в сохранении независимого Финляндского государства, которое, если даже и проиграет войну, не должно попасть под влияние СССР и западных союзников. При таком исходе в рейхе вполне могли рассчитывать на сохранение здесь пронемецкого влияния, а также на то, что являлось не менее важным, — на развитие в финском обществе реваншистских настроений, которые затем можно было бы эффективно использовать в случае начала Германией войны против СССР.

Тем временем обстановка в ходе «зимней войны» начала коренным образом меняться. В феврале 1940 г. советское командование, сконцентрировав на Карельском перешейке колоссальное количество войск, отдало приказ о начале решительного наступления. Это наступление, очевидно, должно было закончиться разгромом финской армии. При таком повороте событий для Берлина стало наиболее выгодным, чтобы Финляндия как можно раньше завершила войну, добившись мирного урегулирования с Советским Союзом. Поэтому нацистское руководство теперь принялось оказывать давление на финнов с тем, чтобы в Хельсинки согласились с советскими условиями окончания войны.

Именно тогда, 22 февраля 1940 г., Г. Геринг опять встретился с Т. Кивимяки и прямо высказал ему мысль, что «мир надо заключить даже на тяжелых условиях». Любопытным при этом было то, что высокопоставленный представитель Третьего рейха недвусмысленно заметил, что территориальные утраты, которые могут произойти у Финляндии в результате подписания с СССР мира, «можно будет вернуть в будущем»²⁷.

В результате Хельсинки последовало предложение, которое можно было расценивать как совет, — учитывать перспективу возможного реванша за

поражение в войне, в случае если Финляндия не допустит своего разгрома и быстро заключит мирный договор с СССР.

В этой ситуации финляндскому руководству следовало принимать соответствующие решения, от которых должна была зависеть будущая внешнеполитическая перспектива. За необходимость прислушаться к мнению Г. Геринга стал твердо выступать Т. Кивимяки. Он сразу после возвращения из Берлина сообщил финскому министру иностранных дел В. Таннеру, как в рейхе «советовали нам заключать мир, даже на жестких условиях», учитывая будущую перспективу Финляндии, у которой еще «будет шанс вернуть все отданные территории»²⁸. Кивимяки прямо говорил, что эту идею следует поддержать, поскольку, по его мнению, «у нас нет другого пути»²⁹.

Конечно, в столь критический момент, в котором тогда пребывала Финляндия, «обращение Геринга на будущее» можно было рассматривать лишь как «словеса», которые никаких гарантий финскому руководству не давали³⁰. Но советы Финляндии, исходившие от Г. Геринга, были и в прошлом. Причем, как известно, зачастую эти рекомендации в финских кругах рассматривали очень серьезно и редко когда ими не пользовались.

Действительно, идея, высказанная в конце февраля Г. Герингом, стала рассматриваться в финском руководстве как значимая. Это можно было увидеть в момент обсуждения доклада Т. Кивимяки на закрытом заседании Внешнеполитической комиссии правительства 28 февраля 1940 г. Премьер-министр страны Р. Рюти тогда построил свое выступление на развитии мысли, которую ранее высказал Г. Геринг: «Лучше сохранить армию боеспособной и страну от разрушения, так чтобы можно было бы добиться затем выгоды от происходящего». И далее он открытым текстом призвал: «Лучше начать восстановление страны от Выборга, чем от Торнио (город на границе Финляндии со Швецией. — *В.Б.*)»³¹. Иными словами, человек, который очевидно в полном объеме владел информацией, полученной от Кивимяки, о позиции Германии в отношении проблемы окончания «зимней войны», видел в ней возможную перспективу для будущего своего государства. Таким образом, премьер-министр тогда также стал проводить среди членов правительства мысль о реванше, опираясь на силу Третьего рейха.

Несомненно, что и В. Таннер был готов согласиться с этой мыслью. Тем не менее финскому руководству было крайне сложно тогда открыто рассуждать об идее реванша. Поэтому на заседании правительства Таннер лишь предостерег: «Мысль (реванша. — *В.Б.*) является такой, которую не следует провозглашать. Думаю, что каждый надеется, что, когда наступит удобный момент, мы возьмем утраченную территорию обратно»³². В целом, вопрос о

перспективах дальнейшего германо-финляндского сближения на почве будущей борьбы против СССР начал откровенно обсуждаться в стенах финского правительства. Наиболее отчетливо это проявляется в протоколах заседания Внешнеполитической комиссии 3 марта 1940 г. Тогда был откровенно поставлен вопрос: «Возможно ли вообще официально повернуть на сторону Германии?»³³ И ответ министра иностранных дел В. Таннера был по своей сути ошеломляющим. Он сказал: «Я не понимаю предложения о том, чтобы мы перешли на сторону Германии. Мы этим занимаемся уже со второй половины декабря...»³⁴

Однако такое заявление несколько не обескуражило членов правительства. Наоборот, там считали, что действия внешнеполитического ведомства страны в этом отношении не носят эффективного характера. Поэтому хор голосов относительно необходимости «занять немецкую сторону» после выступления В. Таннера только усилился. Военный министр Ю. Ниукканен вообще предложил передать немцам за предполагаемую поддержку Германией Финляндии «в качестве платы Аландские острова». Он тогда заметил: «Это будет месть западным державам и Швеции за их слабую помощь»³⁵. Таким образом, в данном предложении уже явно просматривались не просто перспективы будущего межгосударственного сотрудничества, но и идея создания германо-финляндского союза, при котором Финляндия была готова заплатить за него частью своей территории.

В целом, 12 марта финское руководство сделало свой выбор и, несмотря на массивное давление с Запада, считавшего необходимым продолжение войны, заключило мирный договор с СССР. Однако показательным оказалось то, что достигнутый мир начал рассматриваться в Хельсинки как «перемирие», т.е. лишь как «передышка», которая затем должна была позволить «поскорее возратить утраченную территорию»³⁶.

При этом роль Германа Геринга в новых условиях отнюдь не ослабевала. Финское руководство не забыло дававшиеся им ранее советы. Поэтому новый министр иностранных дел Финляндии Р. Виттинг в июле 1940 г. через одного из своих неофициальных эмиссаров вновь принялся выяснять в Берлине у Г. Геринга, «в какой мере Германия готова предоставить Финляндии прямую помощь» в случае конфликта с СССР³⁷.

И Геринг опять проявил себя как главный в рейхе организатор финско-германского сотрудничества. Именно он тогда фактически оказался у истоков начавшегося очередного военного сближения Германии с Финляндией. Уже в следующем месяце для непосредственной встречи с высшим финским руководством в Хельсинки был тайно направлен его личный эмиссар

Ёзеф Велтъенс. Задача этого визита заключалась в достижении договоренности о немецких военных поставках и пропуске на финскую территорию войск вермахта.

По возвращении в Германию Велтъенс подробно сообщил о результатах своих переговоров. Он торжественно доложил, что финское руководство согласно получать немецкое вооружение и пропустит на свою территорию германскую армию. Как было зафиксировано в памятной записке, составленной по итогам этого визита, посланцу Геринга «маршал Маннергейм и премьер-министр Рюти сказали, что Финляндия намерена сражаться до последнего солдата»³⁸. Это означало абсолютный успех переговоров и то, что за ним, несомненно, должны последовать конкретные переговоры, касающиеся военного планирования. Герман Геринг, подытоживая значение визита Велтъенса, указал на его конкретный результат: «В это мгновение решилась участь Финляндии. Теперь она снова принадлежит немецкой сфере влияния»³⁹.

Однако изменение характера германо-финского военного сотрудничества требовало строжайшего сохранения в секрете начавшегося процесса. Финляндский посланник в Берлине Т. Кивимяки 29 августа 1940 г. направил по этому поводу специальное письмо К.Г. Маннергейму, в котором приводились слова, сказанные ему Г. Герингом. Представитель высшего германского руководства строго предупредил Кивимяки: «Вам, финнам, нельзя ничего говорить, пока вы не получите разрешения!»⁴⁰ Таким образом, соблюдение тайны оставалось одним из важных условий последующего германо-финского военного сотрудничества. Тем не менее Г. Геринг стремился, как и раньше, всячески подбадривать финляндское руководство. Так, 29 октября он направил К.Г. Маннергейму специальное послание, в котором говорилось: «Смелая позиция вашего народа принесет свои плоды»⁴¹.

Естественно, завершающим звеном в этом процессе могли стать лишь конкретные военные переговоры, которые, собственно, могли окончательно открыть путь Финляндии к составляемым в рейхе схемам нападения на СССР.

И опять это произошло не без участия Г. Геринга, но уже в условиях, когда А. Гитлер подписал известный план «Барбаросса». Показательно, что в немецком плане войны против Советского Союза четко указывалось, что «мы можем рассчитывать на активное участие... Финляндии в войне против Советской России... Основным силам финской армии будет поставлена задача в соответствии с успехами немецкого северного фланга сковать как

можно больше русских сил путем нападения западнее или по обе стороны Ладожского озера, а также овладеть Ханко»⁴².

Гитлер утвердил этот план 18 декабря. В тот же день в Берлине состоялась встреча Г. Геринга с финским полковником П. Талвела, который тогда играл роль секретного агента финского руководства для связи с Германией. В ходе состоявшейся часовой беседы Талвела прямо подчеркнул: «...У Германии в конфликте с Россией едва ли есть более естественный союзник, чем Финляндия... Стратегическое положение Финляндии является также таким, что с севера можно в ходе крупной войны нанести серьезный удар по жизненным коммуникациям северной России. В этой связи следует помнить, что уже в последней войне с Россией Финляндия сковала 45 русских дивизий...»⁴³. В ответ на это Геринг заверил о твердой позиции рейха осуществлять военное взаимодействие с Финляндией. После того как «Финляндия оказалась в сфере интересов Германии», заявил он, «вы можете сказать маршалу, что Финляндии больше нечего бояться». В заключение Геринг с особой силой подчеркнул, что Финляндии «надо идти вместе с Германией последовательно и неколебимо», и когда «она одержит победу, то также победит и Финляндия»⁴⁴.

О важности состоявшейся тогда встречи свидетельствует тот факт, что сам Гитлер сразу получил сведения об этих неофициальных переговорах⁴⁵, а уже в следующем месяце, в январе 1941 г., в Берлине начались переговоры начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф. Гальдера со своим финским коллегой генералом Э. Хейнриksom. На них непосредственно обсуждали конкретные вопросы боевого планирования финских и немецких войск в войне против СССР.

Так, время Г. Геринга заканчивалось, и начинался новый период в финско-германском сотрудничестве, который характеризовался практической реализацией того, что рейхсмаршалу до этого удалось сделать в своих отношениях с Финляндией. П. Талвела в своем дневнике сделал красноречивую запись: «Надеюсь, что в наступающем году мы вместе с Германией разобьем рюсся (презрительная кличка русских. — *В.Б.*), и тогда осуществится моя давняя мечта о Карелии»⁴⁶. Действительно, теперь в Хельсинки, окрыленные идеей, высказанной в феврале 1940 г. Герингом, даже начали подумывать не только о возвращении утраченных в годы «зимней войны» финских территорий, но и о захвате с помощью Германии новых, уже советских территорий.

В итоге роль Г. Геринга в принятии финским правительством окончательного решения о выходе страны из «зимней войны» трудно недооценить.

Фактически идя на подписание мирного договора с Советским Союзом, в Хельсинки учитывали именно позицию рейха, основанную на необходимости достижения мира с СССР в тот период. Неслучайно поэтому Талвела в беседе с Герингом в декабре 1940 г. особо подчеркнул: «Война (Советско-финляндская война 1939–1940 гг. — В.Б.) все-таки вовремя закончилась, и мир был заключен в не меньшей мере благодаря вашему совету, который господин рейхсмаршал дал нам через министра Кивимяки»⁴⁷.

¹ Работа выполнена в рамках проекта Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 гг.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

² См., например: *Барышников Н.И.* Этапы сближения и сотрудничества К.Г. Маннергейма с Г. Герингом // Военно-исторический журнал. 2005. № 8.

³ *Menger M.* Deutschland und Finland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 32.

⁴ *Ylikangas H.* Saksa ja talvisodan rauha // Kanava. 2000. № 3. S. 474.

⁵ *Menger M.* Op. cit. S. 20.

⁶ Цит. по: *Ibid.*

⁷ См.: *Барышников Н.И.* Этапы сближения и сотрудничества...

⁸ См.: *Барышников В.Н.* От прохладного мира к «зимней войне»: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 154–160.

⁹ Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 110. G 12. Muistinpanoja 27.02.1937. Ministeripresidentti Göring ja ministeri Holstin Moskovan matka; *Wuorimaa A.* Lähettiläänä Hitlerin Saksa. Helsinki, 1967. S. 70.

¹⁰ *Ibid.* 5 C 5. Berlinin-lähetystön raportti, 16.10.1937.

¹¹ См.: *Peltovuori R.O.* Saksa ja Suomen talvisota. Helsinki, 1975. S. 21–24.

¹² *Ibid.* S. 51.

¹³ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo; Helsinki, 1970. S. 158.

¹⁴ Цит. по: *Wuorimaa A.* Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. Keuruu, 1967. S. 118.

¹⁵ Цит. по: *Peltovuori R.O.* Op. cit. S. 52.

¹⁶ *Ibid.* S. 53.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Vehviläinen O.* Finland in the World War. Between Germany and Russia. Chippenham, 2002. P. 67.

¹⁹ *Paasikivi J.K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. Talvisota. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 139.

²⁰ *Yliskangas H.* Tulkintani Talvisodasta. Juva, 2001. S. 172; *Kivimäki T.* Suomalaisen poliitikon muistelmat. Porvoo; Helsinki, 1965. S. 124.

²¹ *Kivimäki T.M.* Op. cit. S. 124–125.

²² Цит. по: *Peltovuori R.O.* Op. cit. S. 69.

²³ *Menger M.* Op. cit. S. 60; *Peltovuori R.O.* Op. cit. S. 70.

- ²⁴ Kivimäki T.M. Op. cit. S. 125.
- ²⁵ Rautkallio H. Kansakunnan syyllisyys. Talvisotaan 1939–1940. Helsinki; Juva, 2002. S. 244; Nevakivi J. Aru jota ei pyydetty. Helsinki, 1972. S. 167.
- ²⁶ Барышников В.Н. К вопросу о германской военно-политической помощи... С. 90.
- ²⁷ Цит. по: Peltovuori R. Op. cit. S. 110.
- ²⁸ Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. М., 2003. С. 230.
- ²⁹ Там же. С. 238.
- ³⁰ См.: Manninen O. Väli rauha — olemassaolon säilyttämiseksi // Historiallinen Aikakauskirja. 2004. № 1. S. 101; Jokipii M. Mitä Göring tarkoitti helmikuussa 1940? // Kanava. 2000. № 6. S. 374–377.
- ³¹ UM. 109, B 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 28.02.1940.
- ³² Цит. по: Yliskangas H. Op. cit. S. 228.
- ³³ UM. 109, B 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 3.03.1940.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ См.: Ibid. Istunto 12.03.1940.
- ³⁷ Reimaa M. Puun ja kuoren välissä. Rytin toinen hallitus (27.3–20.12.1940). Ulkopoliittisten vaihtoehtojen edessä. Keuruu, 1979. S. 129.
- ³⁸ Цит. по: Korhonen A. Barbarossa-suunnitelma ja Suomi. Porvoo; Helsinki, 1961. S. 91; См. также: Manninen O. Ryti ja kauttakulkusopimus. // Historiallinen Aikakauskirja. 1979. № 1. S. 41.
- ³⁹ Цит. по: Menger M. Op. cit. S. 81.
- ⁴⁰ Цит. по: Nevakivi J. Ystävästä viholliseksi. Suomi Englannin politiikassa 1940–1941. Helsinki, 1976. S. 64.
- ⁴¹ Цит. по: Невакиви Ю. Финляндия и план «Барбаросса» // Война и политика 1939–1941. М., 1999. С. 448.
- ⁴² Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. М., 1957. Т. 2. С. 560, 563.
- ⁴³ Talvela P. Sotilaan elämä. Muistelmat. Os.1. Jyväskylä, 1966. S. 258; Manninen O. Saksa tyrmää Ruotsin-Suomen unioni. Sotilaalliset yhteydenotot Saksaan loppuvuodesta 1940 // Historiallinen Aikakauskirja. 1975. № 3. S. 227.
- ⁴⁴ Talvela P. Sotilaan elämä. Muistelmat. S. 262, 265; Manninen O. Op. cit. S. 229, 230.
- ⁴⁵ Manninen O. Op. cit. S. 230.
- ⁴⁶ Цит. по: Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo; Helsinki; Juva, 1984. S. 64.
- ⁴⁷ Цит. по: Yliskangas H. Op. cit. S. 231.